

Бедные калоши!

Люди прячут их со стыдом и неблагодарностью в уголках передней, а там они, бедные, лежат забрызганные, затоптанные, в обществе лакеев, без всякого уважения.

В.А. Соллогуб

Каждый исторический отрезок времени оставляет после себя определенные вещи-символы, своеобразные знаки времени. Можно сказать, что любой предмет имеет не только практическое, но и символическое значение, любая вещь является элементом культуры, то есть знаком чего-то и для кого-то. Некоторые вещи существуют довольно долго, а некоторые имеют короткую жизнь, промелькнув на историческом небосклоне. Время бытования вещей не всегда совпадает с традиционно принятой периодизацией истории общества. Многие предметы, сотворенные человеком в далеком или недавнем прошлом, до сих пор используются в быту. Правда, иногда они меняют свою знаковую сущность.

Возьмем, к примеру, калоши, которые надевают поверх другой обуви, предохраняя ее от сырости и грязи. Сейчас калоши почти не носят. В некоторых сельских семьях их одевают на валенки старики и дети, поэтому для современного человека калоши – символ детства и старости. (Правда, следует отметить, что как элемент традиционной одежды калоши сохраняются в некоторых этнических культурах). В XIX же столетии эта практичная обувь являлась не только предметом первой необходимости, но и символом щегольства, особенно среди деревенских жителей. Известный исследователь народного костюма Ф.М. Пармон, изучая крестьянскую обувь, отмечал, что на селе калоши носили не столько в сырую погоду, сколько из-за моды¹. С ним соглашаются Н. Соснина и И. Шангина, сообщая о том, что мода на калоши пришла в деревню в последней трети XIX века: «Их носили в любую погоду по праздникам молодые женщины, щеголеватые парни и молодые мужчины из богатых семей»². Особенно быстро стали распространяться калоши среди парней как «демонстрация возрастной социальности». Предметы «чужого» мира служили доказательством их умения зарабатывать и тратить деньги³. Об этом же явлении пишет В.И. Немирович-Данченко в очерках об Архангельске: «В окрестностях Архангельска деревенские парни ходили по праздникам в черных сюртуках, в калошах, с дождевыми зонтиками в руках при совершенно сухой и ясной погоде, в необыкновенных галстуках, давивших им горло»⁴. То же самое находим в рассказе А.П. Чехова «В овраге»: «Сын сельского фабриканта Анисим Цыбукин приехал домой за три дня до своей свадьбы во всем новом. На нем были блестящие новые калоши, и вместо галстука красный шнурок с шариками»⁵. То же читаем у Г. Успенского в «Нравах Растеряевой улицы», где описан костюм молодого самоварщика, собравшегося на богомолье: «Он был одет во все новое. Несмотря на жару, на голове драповый картуз; на плечах, кроме сюртука, – драповая же ватная чуйка с бархатным высоким воротником, шея повязана носовым платком, узкие выростковые сапоги, надетые на шерстяные чулки, и, наконец, глубокие калоши»⁶.

Калоши пришли в деревню из города как и многие другие предметы и обычаи: сарафан, пиджак, жилет, сапоги, чаепитие. Некоторые вещи настолько адаптировались и прижились на селе и забылись в городе, что предстают перед нами как чисто народные произведения. Исследователь материальной культуры русского города М.Г. Рабинович отмечал, что многие, видя на сцене так называемый русский народный ансамбль, где женщины одеты в «платья казачки», а мужчины красуются в рубахах навыпуск и в штанах, заправленных в высокие сапоги, даже не догадываются, что перед ними городской мещанский костюм конца прошлого столетия⁷. О проникновении калош в крестьянский быт именно из городской среды хорошо показано писателем Ф. Нефедовым. Его герой удивляет своих земляков, вернувшись домой через несколько лет московской жизни: «Щеголем таким явился в суконном дипломате, сапоги высокие с калошами, при жилетке и часах, в цепочке навыпуск»⁸. Здесь же можно привести наблюдения этнографа XIX века профессора Исаева. Он пишет, что в богатых подмосковных селах многие крестьяне стали шить для праздников двубортные сюртуки купеческого покроя. К ним надевали цветную (преимущественно красную) косоворотку со стоячим воротником, суконные или плисовые штаны, суконный или плисовый жилет с двумя рядами металлических пуговиц и высокие блестящие сапоги с калошами⁹.

Калоши появились в быту горожан около 1840-х годов, но особой популярностью еще не пользовались. Их называли грязовики, ступни, мокроступы¹⁰. По мнению исследователей, в русском языке сначала появилось слово «калоша» с начальным «к» (см., например, письмо А.С. Пушкина к брату Л.С. Пушкину, в котором содержится просьба: «Да пришли мне калоши»)¹¹. Слово с начальным «г» пришло из немецкого или французского языков, хотя могло возникнуть и на русской почве. Калошей называлась штанина, гамаша, вообще одежда от колена до ступни. Р.М. Кирсанова замечает, что название галоши долго занимало русскую литературную критику. А.С. Шишков, известный ревнитель чистоты русского языка, с возмущением писал: «Слово мокроступы очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом галоши; но ведь не насильно же заставить целый народ говорить мокроступы, если он этого не хочет»¹².

Калоши, по всей видимости, были первоначально кожаными; резиновые появились позже. Но и те, и другие долгое время сосуществовали. В описях имущества горожан начала XX в. значатся оба вида калош¹³. У А.П. Чехова, оставившего нам в своих произведениях очень много точных замечаний о городском быте, домовладелец старик Зотов носил неуклюжие кожаные калоши, сшитые ему сапожником Прохорычем в 1867 г.¹⁴ Кожаными калошами шаркал и другой герой Чехова, Кукушкин, из «Рассказа неизвестного человека».

Калоши были теплые и холодные. В одном из документов 1857 г. значатся «кожаные калоши оленьи» и калоши «на кошачьем меху»¹⁵. В знаменитой сказке Г.Х. Андерсена описываются именно теплые кожаные калоши: «Ну и тепло, должно быть, ходить в таких калошах! – сказал сторож. – А кожа до чего мягкая!»¹⁶. У А.П. Чехова не раз упоминаются калоши, как обувь, предохраняющая именно от холода. В рассказе «Беда» читаем о герое, который шел по грязному снегу: «Левая нога немела; калоши он забыл не то в суде, не то в частном доме, и ноги его зябли»¹⁷. Или вышеупомянутый чеховский персонаж Кукушкин, который простудился от того, что «часто выбегал на улицу без шапки и калош». Наконец, в рассказе Чехова «Мальчишки» на гимназисте в сильный мороз были надеты теплые калоши¹⁸. Если продолжить разговор о фасоне калош, можно отметить, что они были «мелкие» и «глубокие» или «высокие». У А.П. Чехова жид Мосейка ходил в мелких калошах на босу ногу¹⁹.

В XIX в. калоши стали важным предметом гардероба, их носили все сословия: от дворян до крестьян и рабочих. В произведениях русских писателей XIX-XX в. находим большое количество описаний, позволяющие сделать вывод, что калоши были столь же необходимы, как пальто и шапка. (См. у А.П. Чехова: «Гости сняли калоши и вошли в темный зал»; «Он оставил в передней калоши, и, не снимая своей длинной тяжелой шубы, пошел в кабинет»; «Саша, как была, без калош выбежала во двор»)²⁰.

Калоши носили и женщины, и мужчины. Один из героев Чехова мечтал, как будет подавать своей любимой женщине шубку «и надевать на ее маленькие ножки калоши...»²¹.

В начале XX столетия появились калоши, сделанные специально под определенную обувь. В документах часто встречаются записи такого рода: «башмаки женские с галошами» (1918 г.)²², «сапоги лаковые с калошами» (1912 г.)²³, «полусапожки с калошами» (1909 г.)²⁴.

Если на селе калоши являлись больше модной деталью костюма, знаком сельского пижонства, то среди горожан калоши в первую очередь были символом достатка, а отсутствие калош – знаком бедности и материальной необеспеченности. У А.П. Чехова можно найти массу примеров, когда подчеркивается бедность героя именно тем, что у него не было этой важной детали гардероба. Например, в описании бедного студента: «Молодой человек, лет восемнадцати, с овальным как яйцо, безусым лицом, в поношенном облезлом пальто и без калош старательно вытирает свои большие неуклюжие сапоги о подстилку, причем старается скрыть от горничной дырку на сапоге, из которой выглядывает белый чулок»²⁵; или в описании костюма отца Анастасия: «Одет в суконный кафтан с широким кожаным поясом и в неуклюжие сапоги, размер и цвет которых ясно показал, что отец Анастасий обходился без калош»²⁶. Но особенно ярко связь «нет калош – бедность» раскрывается в образе статского советника Бахромкина, который, мечтая о славе, представлял себя известным художником или поэтом: «Вот он темной ночью плетется к себе домой. Лошадей у талантов не бывает,

хочешь не хочешь, иди пешком. Идет он жалкенький, в порыжелом пальто, быть может даже без калош»²⁷.

Сегодня время калош проходит. Появившись в крепостной России, они заканчивают свой век в России постсовесткой. Вполне возможно, что подрастающее поколение вообще не будет знать калош, и для него слово «калоши» будет означать что-то не совсем понятное, затерявшееся среди вещей из старого гардероба, таких как салоп, чуйка или сюртук.

Якорь: #grim

1. Пармон Ф.М. Русский народный костюм. М., 1984. С. 124.
2. Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. СПб., 1998. С. 101.
3. Холодная В.Г. Символика и атрибутика праздничного костюма парня // Мужской сборник. Вып. первый: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 127.
4. Цит. по: Берман Е., Курбатова Е. Русский костюм 1750-1917. М., 1965. Вып. 4. С. 26.
5. Чехов А.П. В овраге // Чехов А.П. Собр. соч. в восьми томах. М., 1970. Т. 6. С. 397 (Далее: Чехов А.П.).
6. Цит. по: Берман Е., Курбатова Е. Указ. соч. Вып. 4. С. 35.
7. Рабинович М.Г. Материальная культура русского феодального города. М., 1988. С. 172.
8. Цит. по: Берман Е., Курбатова Е. Указ. соч. С. 30.
9. Там же. С. 26.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1. С. 403.
11. См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 180.
12. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 74.
13. Например, в описи имущества 1901 г. ростовского купца Мальгина имеются следующие записи: галоши 3 пары резиновые, и одна пара – кожаная. РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1167. Л. 416.
14. Чехов А.П. Нахлебники // Т. 2. С. 423.
15. РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп.1. Д. 1025. Л. 13.
16. Андерсен Г.Х. Сказки и истории. Л., 1969. Т. 1. С. 207.
17. Чехов А.П. Беда. Т. 4. С. 10.
18. Чехов А.П. Мальчики. Т. 4. С. 30.
19. Чехов А.П. Палата № 6. Т. 5. С. 127.
20. Чехов А.П. Невидимые миру слезы. Т. 1. С. 410; Он же. Рассказ неизвестного человека. Т. 5. С. 216; Он же. Три года. Т. 5. С. 416.
21. Чехов А.П. Рассказ неизвестного человека. С. 202. См. также в «Попрыгунье»: «Она вошла к нему без звонка, и когда в передней снимала калоши, ей послышалось, как будто в мастерской что-то тихо пробежало», или в «Супруге»: «Ольга Дмитриевна пришла, наконец, и, как была, в белой ротонде, в шапке и в калошах, вошла в кабинет...».
22. РФ ГАЯО. Ф. 283. Оп. 3. Д. 454.

23. РФ ГАЯО. Ф. 283. Оп. 3. Д. 443.
24. РФ ГАЯО. Ф. 24. Оп. 1 Д. 67.
25. Чехов А.П. Иван Матвеевич. Т. 2. С. 233.
26. Чехов А.П. Письмо. Т. 2. С. 248.
27. Чехов А.П. Открытие. Т. 2. С. 512.